

ДИАНА КОМЯТИ
(Печ, Венгрия)

**Пути ужасной красоты – идеи, темы, взаимосвязи
в мире классической русской литературы¹**

Новая книга Агнеш Дуккон, опубликованная в 2021 году на венгерском языке, представляет собой сборник избранных статей, в котором автор объединяет и суммирует некоторые результаты своей научно-исследовательской деятельности последних десятилетий.

Как отмечается во вступительном слове автора, понятие «ужасная красота», вынесенное в заглавие сборника, заимствовано из поэмы М.Ю. Лермонтова «Измаил-Бей», где поэт этим оксюморонным выражением характеризует жизнь и беспокойную, мятежную душу своего героя.² Однако, по словам автора, противоречивая природа красоты, ее угрожающая, темная сила возникает не только в художественных образах лермонтовского творчества, но в той или иной форме она проявляется в произведениях многих писателей и поэтов XIX века. Антиномичность красоты весьма часто обретает форму противопоставления красоты и добра, эстетики и этики, провоцирует вопрос о возможности или невозможности гармонии и счастья в условиях земного, материального мира. Статьи, вошедшие в сборник, объединяются авторским стремлением ближе подойти к обозначенной выше проблематике красоты, выявить скрытые взаимосвязи между явлениями русской и мировой культуры.

Как в плане хронологическом, так и в плане тематическом сборник охватывает широкие масштабы. В фокусе исследований стоят прежде всего произведения русской литературы XIX века (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский и др.), от которых тянутся нити к предшествующим и последующей эпохам русской и мировой культуры: к Овидию и Шекспиру, к русскому фольклору и древнерусской традиции, с одной стороны, к Бердяеву и С. Булгакову – с другой, и к венгерской литературе и культуре XIX–XX веков – с третьей.

Особое достоинство книги, как нам видится, заключается в том, что А. Дуккон рассматривает явления русской литературы не изолированно, а вписывает их в более широкий общеевропейский контекст. При этом

¹ Dukkon Á. A veszélyes szépség útjain. Esmék, témák, kapcsolatok a klasszikus orosz irodalom világában. L'Harmattan, Budapest, 2021. 358 old.

² «Он обладал пылающей душою, // И бури юга отразились в ней // Со всей своей ужасной красотой!..» (цит. А.Д., стр. 133)

автор находит параллели не только в сфере литературы, но задействует и другие области, напр. философию, психологию, живопись. Этот широкоаспектный подход к произведениям русской литературы XIX века позволяет автору обнаружить такие точки соприкосновения с явлениями мировой культуры, которые до сих пор либо оставались на периферии литературоведения, либо вообще не поднимались ранее в исследованиях. Подобные вопросы рассматриваются в статьях, в которых анализируются параллели между романтическими поэмами Пушкина и поэмой Яноша Арань «Катерина» (39–57), парадоксальность отношений между женщиной и женщиной в «Герое нашего времени» Лермонтова и «Дневнике обольстителя» Кьеркегора (116–130), (возможное) влияние идеи бессознательного Карла Густава Каруса на «психологизм» Достоевского (162–174) и др.

При этом в ходе исследования в поле зрения автора нередко попадают и такие взаимосвязи, генезис которых с филологической точки зрения трудно объяснить, либо вообще не может быть установлен. Как неоднократно отмечает А. Дуккон, подобные «точки притяжения», то есть параллельные темы и мотивы часто возникают не из непосредственного знакомства одного автора с произведениями другого, но здесь скрываются более глубокие процессы: общность умонастроения, схожесть проблем и идейно-эстетических взглядов, близость художественного мировосприятия и т.д., то есть такое духовное родство, которое хоть и не может быть доказано биографическими фактами, но тем не менее существует и заслуживает внимания исследователя. Пользуясь метафорой автора книги, движение мировой мысли можно сравнить с подводным горным хребтом, вершины которого, поднимаясь над поверхностью, производят впечатление обособленных друг от друга явлений, однако в глубине эти вершины связаны в единую горную цепь (293). Заглавие одного из разделов сборника – «Встречи в царстве духа» (*Találkozások a szellem birodalmában*) – как нельзя лучше отражает сущность этой глубинной духовной связи, яркими примерами которой могут служить соприкосновения в творчестве Пушкина и Яноша Араня, Лермонтова и Кьеркегора, Соловьева и Тейяр де Шардена.

Книга состоит из трех больших частей, которые, в свою очередь, делятся на разделы. В первые две части включены статьи, в которых в хронологическом порядке рассматриваются явления русской литературы XIX века от Пушкина до позднего Толстого и Соловьева; поднимаются эстетические, культурологические, философские вопросы, а также вопросы сравнительного литературоведения. Третья часть работы содержит статьи по истории рецепции русской литературы в Венгрии, в которых освещается многосторонность взаимосвязей русской и венгерской литератур.

В первую часть сборника вошли статьи о творчестве поэтов и писателей эпохи романтизма; в фокусе исследований – произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др., а также некоторые основные моменты жизнен-

ного и творческого пути Белинского. Первые три статьи посвящены лирике и романтическим поэмам Пушкина: рассматриваются параллели и обнаруживаются неожиданные созвучия мотивов между творчеством «певца любви» – Овидия и творчеством Пушкина. Здесь отдельное внимание уделяется преемственности женских образов, которые объединяет общая судьба – они становятся жертвами любви. В образе пушкинской Татьяны усматриваются мотивы, восходящие к «Героиням» Овидия. Далее на материале поэмы «Полтава» анализируется, с одной стороны, влияние Байрона на творчество Пушкина, с другой – преодоление Пушкиным романтического индивидуализма Байрона, что проявляется, в частности, в обращении поэта к национально-исторической тематике, многогранном психологическом изображении героев, обращении к проблеме столкновения истории и человеческой личности. Особый интерес представляет третья статья первого раздела: здесь автор исследует фольклорную основу поэмы Яноша Араня «Катерина», в которой усматривается своеобразное сплетение байронических форм и венгерской народной легенды о «замурованной невесте/девушке». В ходе анализа выявляются весьма неожиданные параллельные мотивы между венгерской поэмой и «Полтавой» Пушкина, как напр. своеобразный «треугольник ревности» между отцом, дочерью и ее возлюбленным; мотив сумасшествия, связанный с признанием вины; тонкое изображение скрытых в глубине человеческой души чувств и страстей; а также роль фольклора, народной легенды в художественном мире произведения.

Следующие четыре статьи сборника объединяет тема природы: в них автор анализирует различные проявления таинственных сил природы, ее противоречивой, чарующей красоты в художественных произведениях первой половины XIX века. Сокровенная, непостижимая сущность природы ощущается в сквозных мотивах лирики Тютчева – в мотивах *хаоса* и *космоса*, *ночи*, *сна* как океана, во взаимоотражениях неба и земли, природы и души. Ночь, ночной пейзаж занимает важное место и в творчестве Гоголя, напр. в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», где в картинах ночной природы угадывается присутствие «темных» сил, стираются границы между реальным и сверхъестественным и создается фантастическая, тревожная атмосфера гоголевских произведений. Наиболее значимой в этом разделе нам представляется статья, в которой автор исследует геологические интересы Гоголя и их поэтическое переосмысление в художественных произведениях писателя. Как отмечает А. Дуккон, географические «объекты», связанные с подземной средой, напр. пещера, овраг, пропасть, а также водные объекты – река, пруд – у Гоголя перевоплощаются в «заколдованные» места, где из-под земли выходят на поверхность темные силы. Также автор указывает на связь «подземной географии» с психологическим аспектом: «подземный» мир ассоциируется у Гоголя с глубинными сферами сознания, в которых скрываются «темные» стороны – инстинкты, страсти и другие «подземные» течения – человеческой души.

Третий раздел сборника, как упоминалось выше, носит название «Встречи в царстве духа». В статьях, вошедших в этот раздел, А. Дуккон фокусирует внимание на скрытых взаимосвязях, внутренних диалогах, выявление которых освещает новые сегменты в широком течении русской и европейской литературы XIX века. Так, анализируя статью «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838), автор указывает на то, что в восхищенном отзыве Белинского о шекспировской трагедии и в интерпретации образа Гамлета угадывается атмосфера «эпохи безвременья»: в трагедии датского принца, в столкновении идеалов с реальной жизнью – что, по словам критика, является главной причиной бездействия героя – Белинский и его окружение усматривали трагедию современного русского человека, призванного к большему, но обреченного на бездействие в условиях николаевской реакции. Также интересными представляются, с одной стороны, взаимосвязи в творчестве и переписке Белинского и Тургенева, с другой – сопоставление анализа образа Печорина у Белинского и Вл. Соловьева (тема, кстати заметим, ранее не поднимавшаяся в литературоведении), которые бросают свет на душевные и идейные искания критика в период глубокого экзистенциального кризиса, переживаемого им в начале 1840-х годов. В продолжение размышлений над лермонтовским творчеством рассматриваются параллели между женскими образами в «Герое нашего времени» и «Дневнике оболытителя» Кьеркегора; также в этом разделе мы возвращаемся к понятию «ужасной красоты»: автор анализирует преемственную связь между образом Печорина и героями Достоевского. Как отмечает А. Дуккон, двойственность, дисгармоничность портрета Печорина, которая заключается в противоречии между красивой внешностью и темным, мрачным характером, проявляющимся в никогда не смеющихся глазах, находит свое продолжение в героях Достоевского. Так, Раскольников «замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами», но, по словам Разумихина, «угрюм, мрачен, надменен и горд». В портрете же Ставрогина амбивалентность доводится до крайней степени: его красота является в буквальном смысле «ужасной» – красивое лицо оказывается мертвой маской, за которой скрывается Зло.

Вторая часть сборника фокусирует внимание на эстетических, философских, религиозных исканиях в русской литературе второй половины XIX века. Первый раздел посвящен изучению творчества Достоевского в различных аспектах: психологическом, педагогическом, антропологическом, богословском. Автором рассматривается одна из сквозных тем русского романтизма и творчества Достоевского – тема двойничества: начиная с античности и древнерусской литературы, прослеживается постепенное развитие этой темы, которая получает наиболее полное оформление в больших романах Достоевского. Мотив двойничества как художественное оформление проблемы раздвоения человеческой души уводит нас в сферу глубинной психологии: как показывает автор, образ двойника

предстает как воплощение «вытесненных из сознания в область бессознательного комплексов, то есть таких психических содержаний, которые по тем или иным причинам несовместимы с личностью, и потому они проецируются во внешний мир как чуждые, посторонние, болезненные галлюцинации» (ЕРМАКОВ, цит. А. Д., стр. 171–172). Вместе с тем Достоевский идет дальше научной психологии; в его художественном видении на первый план выходит евангельская антропология: примат духовного измерения личности и возможность обновления – воскресения – через принятие страдания. В этом разделе А. Дуккон останавливает внимание и на другом ключевом образе творчества Достоевского – Великом Инквизиторе, с которым связаны эсхатологические представления Достоевского, что становится важным предметом размышлений многих писателей и философов Серебряного века, прежде всего Н. Бердяева и С. Булгакова.

Второй раздел составляют статьи, в которых так или иначе ставится вопрос о целях и предназначении искусства, и рассматриваются такие темы, как превратности русской жизни в сатире Салтыкова-Щедрина, объединяющая сила красоты, проявляющаяся в произведении сакрального искусства – иконе («Запечатленный ангел» Лескова), духовные и творческие искания позднего Толстого на пересечении священного и профанного, антиномия культуры и цивилизации в творчестве Пушкина и Толстого. Миропонимание Соловьева открывает новые горизонты в восприятии красоты: преодоление темного начала в природе и человеке, победа света над тьмой является ключом к «всеединству», к мировой целостности и гармонии.

Для венгерских читателей и тех, кто интересуется межкультурными связями вообще и русско-венгерскими литературными связями в частности, интересной будет третья часть книги, где рассматриваются некоторые вопросы рецепции русской литературы в Венгрии. В статьях, вошедших в эту часть сборника, автор прослеживает историю публикации произведений Гоголя в Венгрии в период с 1853 по 1944 гг., знакомит нас с жизнью и деятельностью выдающихся переводчиков XX века, анализирует влияние Достоевского на венгерских протестантских теологов (Бела Варга, Калман Уйсаси, Ласло Ватаи).

Книга А. Дуккон затрагивает широкий спектр тем и вопросов, предлагает множество интересных наблюдений и выводов и вносит существенный вклад в достижения венгерской русистики. Богатый материал, тщательно проработанная литература, подробный анализ теоретической базы, лежащей в основе изучаемых культурных явлений и произведений XIX века, открытость исследовательской позиции – все это определяет теоретическую значимость работы. Написанная изящным, легким и доступным языком, книга будет интересна как для исследователей-литературоведов, студентов и аспирантов, изучающих русскую, венгерскую и европейскую литературу, так и для широкой читательской аудитории.